

УДК 930.2

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ ПОЛЯ РИКЁРА *

И.К. Калимонов

Аннотация

В статье рассматривается концепция исторического повествования выдающегося французского философа Поля Рикёра (1913–2005), определившая во многом направление теоретических поисков французских историков на рубеже XX – XXI веков. Автор ставит ряд вопросов о применимости в современных условиях принципов этой концепции к разработке теоретических проблем современной историографии. В первую очередь ставится вопрос о соотношении социологических и гуманитарных подходов при создании целостного представления об историческом прошлом и возможностях верификации теорий применяемых исторической наукой.

В XIX веке средством консолидации общества была линейная память, основанная на общей для большинства населения социальной памяти. В исторической науке проявлением линейного восприятия исторического опыта был исторический метарассказ, основанный на единых правилах изложения и аргументации [5]. У человека того времени ещё было ощущение могущества человеческого разума, способного понять историю человечества как единый процесс. Поэтому люди того времени могли уверенно глядеть в будущее, будучи

---

* РИКЁР, ПОЛЬ (Ricoeur, Paul) (1913–2005), французский философ, разрабатывавший герменевтический вариант феноменологии. Место, занимаемое им во французской философии, сопоставимо с местом, занимаемым Х.-Г. Гадамером в немецком философском сообществе. Поль Рикёр родился 27 февраля 1913 г. в Валенсии (Испания). Получив образование в Сорбонне, в течение пяти лет преподавал философию в лицее. В начале Второй мировой войны был призван во французскую армию, попал в плен, где начал работу над переводом «Идей» Гуссерля («Идеи» вышли в свет на французском в 1950 г. с комментариями Рикёра). С конца войны до 1948 г. Рикёр преподавал в Страсбурге, в 1956 г. получил приглашение в Сорбонну. В 1961 г., после смерти М. Мерло-Понти, к Рикёру перешло руководство «Архивом Гуссерля». В течение многих лет он вместе с Э. Мунье редактировал левокатолический журнал «Эспри». Политические и религиозные убеждения Рикёра привели его в 1966 г. в университет Париж-Нантер. В 1969–1970 гг. философ, занимавший пост декана, оказался «между двух огней» – маоистами, с одной стороны, и бюрократией – с другой. Политическое разочарование и жёсткая оппозиция со стороны набиравшего силу структурализма побудили Рикёра принять приглашение Чикагского университета, где он работал с 1970 г. по 1992 г. Полемика со структурализмом привела Рикёра к новым идеям, изложенным в сочинении «Конфликт интерпретаций» (*Le conflit des interprétations*, 1969), в котором даётся трактовка лингвистики Ф. де Соссюра и антропологии и мифологии К. Леви-Стросса. Накал полемики постепенно сходит на нет в работах, написанных в основном в США, в которых Рикёр обращается к аналитической философии языка. В исследовании «Живая метафора» (*La métaphore vive*, 1975) внимание автора сосредоточено на поэтической силе метафоры, заключенной в ее способности не только придавать красоту уже известному предмету, но и открывать новые связи и отношения благодаря «видению как...». За этим сочинением следует трехтомный труд «Время и повествование» (*Temps et récit*, 1983–1985), в котором Рикёр разбирает различные теории времени (Аристотеля и Августина, Гуссерля и Хайдеггера). Путь исследования ведёт от исторического и литературного повествования (за иллюстрациями автор обращается к великим романам о времени таких писателей, как Т. Манн, М. Пруст, В. Вульф) к «нарративному времени».

уверены в возможности понять, объяснить и предсказать развитие общественных процессов. Современный человек постоянно сталкивается с многообразием, а это вызывает психологический стресс, чувство неуверенности в собственных силах, сомнение в способности понять то, что происходит в обществе. Отдельные, не связанные в одну систему, истории, которыми пичкает человека телевидение и другие средства массовой информации, – благоприятная среда для манипуляции единичными воспоминаниями (проверить их с точки зрения единой теории нельзя, а знать всё попросту невозможно). Это стало возможным в результате отказа от метарассказа в ситуации постмодерна.

Начиная с 70-х годов XX века, произошёл отказ от линейных и стадийных построений истории, что привело к «кризису исторической науки» [9, 10]. Именно в это время появилась работа Поля Вейна [14], смысл которой Поль Рикёр изложил следующими положениями: «История – это книжное понятие, а не экзистенциал»; это «организация посредством понимания данных, которые соответствуют временности, не являющейся временностью»; «история – это интеллектуальная деятельность, которая, используя общепризнанные литературные формы, служит целям простого любопытства»; «ничто не связывает это любопытство с каким-либо экзистенциальным основанием» [21, с. 196]. Следовательно, любая история – всего лишь разновидность литературного творчества и, как у всякого произведения литературы, сюжетная линия исторического труда зависит от выбора интриги. Так во французской историографии началось наступление на позиции исторической школы «Анналов», исходившее из предположения, что поведение людей нельзя объяснить через воздействие на него факторов, имеющих «большую длительность» (имеются в виду возникновение мотивов поведения при взаимодействии общества и природы, влияние на поведение людей изменений социально-экономических отношений, изменение системы ценностей и способа мышления в результате переработки исторического опыта массовым сознанием и т. п.). Другими словами, как пишет Рикёр, если, согласно точке зрения Поля Вейна, дать достаточно широкое определение того, что считают интригой, то в её орбиту входит даже количественная история: интрига имеется всегда, когда история связывает вместе цели, материальные причины, случайности: интрига – это «очень человеческое и совсем не «научное» смешение материальных причин, целей и случайностей» [21, с. 197]. Это утверждение означало, что историю нельзя полностью объяснить ни случайными пересечениями, ни экономическими причинами, ни ментальностями, проектами или идеями; что не существует правила, чтобы расположить в определённом порядке эти три аспекта. А это было равносильно утверждению, что у истории нет метода.

Но, возражает Поль Рикёр, «историческое объяснение не является номологическим, оно носит каузальный характер» [21, с. 200]. Именно потому, что история стремится к объективности, она может ставить – как особую проблему – проблему границ объективности [21, с. 205]. Историк не ставит вопрос о неотвратимости того или иного сценария исторических событий, он очерчивает границы того, что было возможным для реализации в тех или иных условиях. Признавая, что человек, наделённый воображением, имеет свободу выбора, мы должны признать, что у человеческого воображения есть границы реализации и

что они вполне объективны. Знание этих границ, обусловленное историческим опытом, становится основой для построения интриги на базе «единичного причиноменения». Единичное причиноменение – это процедура объяснения, осуществляющая переход от нарративной причинности (структура «одно вследствие другого», которую Аристотель отличал от «одно после другого») к объяснительной причинности, которая в номологической модели не отличается от объяснения при помощи законов [21, с. 212]. Единичное причиноменение является не одним объяснением наряду с другими, но звеном всякого объяснения в истории. Оно представляет собой искомого посредника между противоположными полюсами – объяснением и пониманием. Сходство между единичным причиноменением и построением интриги позволит говорить о первом, благодаря переносу по аналогии, в терминах квази-интриги [21, с. 211]. Поль Рикёр писал: «По-моему, история остаётся исторической в той мере, в какой все её объекты отсылают к сущностям первого порядка – народам, странам, цивилизациям, – которые несут на себе неизгладимый отпечаток соучаствующей принадлежности (*appartenance participative*) конкретных агентов, относящихся к практической и повествовательной сферам. Эти сущности первого порядка служат переходным объектом между всеми артефактами, созданными историографией, и персонажами возможного рассказа. Они представляют собой квази-персонажей, способных направлять интенциональную* отсылку с уровня истории-науки на уровень рассказа, а через рассказ – к агентам реального действия» [21, с. 211].

Вызов «постмодерна» и ответ на него профессиональных историков выявили, что история как дисциплина является способом самопознания общества, имеющим как гуманитарную основу, так и естественнонаучные принципы организации знания (особенно с точки зрения применения системного подхода; историческое описание предполагает учёт воздействия на поведение людей их взаимодействия с природой, учёт особенностей их поведения с точки зрения индивидуальной и социальной психологии и т. п.), что обусловлено самим объектом исследования [26]. Нельзя описывать историю человечества, в которой не учитывается главная отличительная черта человека – воображение и основанная на нём возможность выбора. Когда люди действуют, они формулируют цели, исходя, как правило, из представлений о реальности, а не из самой реальности. Наши представления – место соединения бытия и сознания. Люди осуществляли деятельность, приобретали опыт, передавали его по наследству, другие люди воспринимали этот опыт, переоценивали его исходя из своего опыта. И всё это вместе взятое и было исходной мотивацией их деятельности. Опыт фиксировался либо за счёт устной передачи, через традиции, либо с помощью текстов, что мы имеем с появлением письменных культур. Опыт – это и есть культура. Культура осуществляет давление на индивида, является фактором, который ограничивает возможности человеческого воображения. Трудно сказать, что сделает человек, но можно сказать, чего ему делать нельзя, чтобы

---

* Интенциональность – понятие в феноменологии, означающее смыслообразующую устремлённость сознания к миру, смыслоформирующее отношение сознания к предмету, предметную интерпретацию отношений. Она выражает постоянное напряжение между человеческой реальностью и миром, их нераздельность и взаимную несводимость, которая обнаруживает онтологическую значимость человеческого бытия.

не было отрицательных последствий. Это и есть материал, который историки используют для формирования системы ценностей общества, которая может быть основой для его консолидации.

Сейчас происходит пересмотр методологического потенциала исторической науки. Последние 30 лет XX столетия – спрессованное тридцатилетие для исторической науки. Историческая профессия оказалась в условиях информационного общества. Отсюда возникло стремление к переосмыслению самих основ исторической дисциплины.

Постоянно на протяжении последних 150 лет поднимался вопрос: является ли история наукой. Основанием для постановки такого вопроса был вопрос о возможности верификации исторических знаний. Действительно, история имеет дело не с самим объектом, а со следами, которые от него остались. Нельзя ни наблюдать объект, ни провести эксперимент. История – наука или искусство? Гизо и Мишле писали в XIX веке, что история – наука в изящной форме, то есть и то, и другое. Историография становилась самостоятельной дисциплиной, отделяясь от литературы. Сегодня разговор о границах исторической дисциплины – это самая болезненная тема. Причина того, что историческая наука не может пока сравняться по результативности с естественнонаучными дисциплинами, очевидна: объект истории неизмеримо сложнее, поведение людей анализировать гораздо сложнее. К тому же действующим лицом истории является человек способный осуществить выбор на основе рациональных или иррациональных мотивов. Это делает самого человека фактором случайности в историческом развитии общества.

По этому поводу Макс Вебер писал: «Даже описание самого маленького фрагмента реальности никогда не может быть осмыслено исчерпывающим образом. Число и природа причин, предопределивших какое-нибудь единичное событие, всегда бесконечны» [13, с. 376]. Но при описании исторических событий нельзя излагать события как бессвязный поток фактов. В данном случае любое историческое сочинение должно иметь сюжет и, таким образом, относится к какому-либо жанру такого рода научной литературы. Поэтому интрига в историческом сочинении – средство сопряжения целей, причин и случайностей. Если нельзя создать единую модель истории человечества, то всё равно будут создаваться частные модели, которым будут присущи свои закономерности.

Поэтому историческое причиновменение на всех своих стадиях связано с научным объяснением. Прежде всего, объяснение предполагает детальный анализ факторов, нацеленный на отбор звеньев причинности, «которые должны войти в историческое изложение» [21, с. 215]. Историк не является простым нарратором: он раскрывает мотивы, по которым он считает какой-то фактор – скорее, нежели некий другой, – достаточной причиной определённого хода событий. Родственная связь исторического объяснения с объяснением нарративным не может быть разорвана, поскольку адекватная причинность остается несводимой к одной логической необходимости. Одно и то же отношение непрерывности и прерывности связывает единичное каузальное объяснение и с объяснением через законы, и с построением интриги [21, с. 216].

Историческая причинность обладает странным статусом исследования, недостаточного по отношению к исследованию регулярностей и законов и избы-

точного по отношению к абстракциям социологии. Заимствуя у социологии регулярности, лежащие в основе пробабилизма*, она тут же полагает внутренний предел претензии социологии на научность [21, с. 217].

«Взаимодополняющие и одновременно различающиеся между собой, причинность социологическая и причинность историческая нуждаются друг в друге» [21, с. 217].

Объект и предмет исторической науки являются объектом и предметом других социальных дисциплин. Следовательно, сегодня важно определить приоритеты, определить понятия. Понятно, что границы исторического знания постоянно нарушаются: такова специфика исторического знания, отличающегося теоретической самостоятельностью. Выбор теории предполагает выбор языка. Предмет, метод, язык – всегда конкуренция исследовательских программ. Выбор теории (подхода, языка) определяет отношения историка с документом. Описание всегда зависит от того обыденного и научного языка, который сложился на данное время.

Другому времени присуща другая модель мышления и документы написаны на языке, которым сейчас не пользуются, то есть одни и те же символы могут иметь разный смысл для нас и для наших предшественников.

Не зная этой модели, нельзя понять, как думали люди другого времени. Для древних греков «боги» – реальность, для нас – мифология. Поэтому всё, что было связано с мифологическими представлениями древних греков, нашими историками всерьёз не воспринималось. Нужна генетическая критика и изучение текстов с точки зрения того, как они писались, как думали люди, их писавшие, почему использовались эти слова, а не другие.

Одной из наиболее удачных попыток ответить на эти вопросы стала концепция исторического повествования, разработанная Полем Рикёром, создателя направления феноменологической герменевтики в западноевропейской философии XX века.

Суть этого подхода можно свести к положению, что критерии истинности исторических теорий лежат в той реальности, к которой относится сам историк, пишущий на ту или иную тему. Любые теории отражают эту реальность и являются результатом социального опыта, накопленного к моменту написания исторической работы. Поиск единства исторического процесса зависит от того, какой смысл вкладывают в это понятие историки, отражающие направленность мироощущения общества, к которому они сами относятся. Степень единства нужно искать лишь в соотношении частей: «Объяснение целого будет зависеть от понимания связей, которые существуют потому, что его частям придаётся определённая форма» [21, с. 234].

Следовательно, исторические теории проверяются той реальностью, к которой относится исследователь. Вряд ли кто станет возражать, что эту реальность мы вполне способны наблюдать и проверять ею действительность тех или иных теорий. К примеру, недостатки марксистской теории развития общества стали очевидны из самой исторической практики, а вовсе не из идеологических

---

* Пробабилизм [лат. *probabilis* – вероятный] – философское учение, утверждающее, что человек не может достигнуть достоверного знания и должен довольствоваться вероятностью; разновидность агностицизма.

баталий времён «холодной войны». Меняются теории – меняется системный взгляд на историю.

Концепция, разработанная Штарнбергской группой методологов в конце XX века, выдвигает в качестве эталонного особый тип научного познания, в котором интегрированы как внутренние, объективные закономерности развития науки, так и социальные цели и потребности. Черты нового идеала научности сводятся в первую очередь:

- к способности научных теорий решать проблемы;
- к допустимости множественности относительно частных идеалов научности;
- к смягчению ригоризма* в отношении независимости науки от социокультурных ценностей и даже специальная социально-практическая ориентированность определённого слоя фундаментальных научных исследований [27, с. 299].

Такое обращение к рациональному объяснению сокращает расстояние, отделяющее историю от науки. Разумеется, в науке есть законы (имеется в виду естественнонаучное понимание законов как постоянных, повторяющихся связей между предметами и явлениями), а в истории их нет, но всякий закон подчинён условиям, при которых он имеет силу. Так что же: сама природа истории исключает возможность закона или же условия, при которых эти эвентуальные законы имели бы силу, настолько многочисленны, сложны и взаимозависимы, что этот клубок невозможно распутать? Но в этом случае можно было бы предположить, что когда-нибудь история, которой будут свойственны большая законченность и большая результативность, сможет всё-таки встать в один ряд с другими науками [17, с. 177].

Историк действительно конструирует историческую картину прошлого по тем следам, которые от неё остались, исходя из тех теоретических представлений, которые доминируют в его время. Поэтому всякое историческое сочинение относительно истинно по отношению к реалиям каждого очередного витка развития общества. Как пишет Поль Рикёр, «не существует исторической реальности, – данной в готовом виде до науки, – которую следовало бы просто верно воспроизвести» [21, с. 116]. Инициатива в истории принадлежит не «документу, а вопросу, поставленному историком. Именно вопрос имеет логический приоритет в историческом исследовании» [21, с. 118]. По этой причине, как бы ни старались историки писать историю так, «как это было на самом деле», всё равно каждое новое поколение будет смотреть на исторический опыт по-разному, отражая, таким образом, процесс формирования исторической памяти. Этот принцип получил название «возвратного вопрошания». Достаточно трудно отличить историческую реальность и вымысел, исходя из текста документов, и таким образом реконструировать историческое прошлое. Историк должен, как следователь, всё время искать улики. В труде историка преобладает «уликовая парадигма». История в отличие от естественных наук не может быть предсказанием, она всегда была и останется ретросказанием, так как нельзя путём сравнения единичных фактов вывести общие для всех историче-

---

* Ригоризм – бескомпромиссность, неприятие любых утверждений, не вписывающихся в определённую систему ценностей или рассуждений.

ских событий закономерности. Цель истории – дать максимально возможный цельный образ изучаемой эпохи, насколько это позволяют сделать накопленный исторический опыт и степень теоретического осмысления системы причин, обуславливающих изменения общества. Различение необходимого и случайного в истории было и остаётся главной целью исторического исследования. Историки выявляют не объективные универсальные законы, а условия, ограничивающие возможности человеческого воображения. Они не могут предсказать будущее, но они могут точно сказать, чего нельзя делать в определённых ситуациях.

Как изучается история профессиональным сообществом? Не будем забывать, что историки выполняют четыре функции: познавательную, социальную, идеологическую и дидактическую. Так или иначе, историки преследуют и свои корпоративные цели: у них сосредоточивается монополия на компетенцию и, соответственно, экспертная власть (П. Бурдье – «теория символического капитала») [11, 12]. Профессия – монополия знания. Профессионалы осуществляют производство независимой профессиональной экспертизы (в России это обычно не практикуется, а, к примеру, в Англии при решении важных для общества вопросов привлекаются эксперты-историки). Сообщество профессиональных историков – группа, основанная на общепринятых способах решения проблем. Здоровая атмосфера в таком сообществе возможна при наличии коллегиальности, конкуренции и групп, придерживающихся разных точек зрения. Сообщество, накапливая опыт, вырабатывает правила проведения исследований, вырабатывает способы следования протоколам смысла. Нацеленность на поиск смысла в истории привела к тому, что профессиональное сообщество историков приспособило все постмодернистские практики под свои нужды: из них взяли только то, что не приводит к саморазрушению профессии. Историки должны теперь проверить на историческом материале все те подходы к изучению развития общества, которые появились в ситуации постмодерна.

Метод – самоидентификация историка-профессионала. История как прошлое может изучаться различными дисциплинами, быть объектом литературы и искусства, да и самих «историй» может быть бесчисленное множество. Главная ценность для историков-профессионалов – получение достоверного знания. Историка-профессионала губит высокий уровень социальных ожиданий. От него ждут окончательных ответов, подавляя, таким образом, здравую идею невозможности достижения объективной истины (до горизонта нельзя дойти, хотя идти в этом направлении можно; объективность – это благородная мечта). Критерием профессионализма является не знание объективной универсальной истины, а владение методом исследования. Профессиональное знание историков строится на критике, принципы которой заложены трудами Бэкона, Канта, Ранке, Нибура. Деление источников по уровню достоверности составляет основу профессионального исторического знания. Историк отягощён своим профессиональным знанием. Он отличается от непрофессионала тем, что ему известен контекст существования источника. Для объективизма (или сциентизма – теории, основанной на допущении получения объективного, достоверного знания, на котором строится научное доказательство) источник – след от прошлого. Оппозиция (оппозицией сегодня считаются антисциентисты, сторонни-

ки концепции невозможности получения достоверного объективного знания) с 1960-х годов утверждает, что мы имеем дело с конструированием истории, так как тексты источников могут интерпретироваться произвольно. Объективисты считают, что интерпретация текста ограничена временным контекстом. Объективисты и оппозиционеры продолжают старый спор, начавшийся с момента возникновения функционалистских и неокантианских исследовательских программ. К функционалистским школам можно отнести марксизм, позитивизм и структурализм школы «Анналов» времён Фернана Броделя, когда ставилась задача создания «глобальной истории».

Нежелание разобраться в своих теоретических позициях приводит рано или поздно к кризису. Именно это случилось с проектом «глобальной истории» во Франции и теорией общественно-экономических формаций в нашей стране. По этому поводу Жак Ревель, один из представителей школы «Анналов», писал: «Действительно, стихийно-идеологические представления, которые то или иное общество вырабатывает о себе, в свою очередь находятся в постоянном движении. Вторая половина XIX и первые три четверти XX в. прошли под знаком господства могущественных интегрирующих парадигм – позитивизма, марксизма и структурализма, которые без особенной натяжки можно классифицировать как функционализм. Однако в последние два десятилетия функционалистская парадигма, несмотря на отсутствие сколь-либо явного кризиса, судя по всему, потерпела крах, а вместе с ней и научные идеологии, объединявшие социальные науки (или служившие им общей отсылочной рамкой). Между тем само общество перед лицом новых, с виду необъяснимых форм кризиса было охвачено сомнениями, неизбежно порождавшими скептицизм относительно самих притязаний на глобальное понимание социального. Такие притязания, выражаемые в явной или скрытой форме, составляли кредо предшествующих поколений историков; отныне же осуществление этой цели откладывалось [18, с. 77].

Так Жак Ревель охарактеризовал начавшийся в 70-е годы XX века кризис исторического знания, продемонстрировавший проблемы, связанные с ориентацией на поиск общих универсальных законов развития общества. Такой подход вёл историографию в сторону разделения на множество независимых друг от друга сегментов знания, которые перестали объяснять, почему происходили изменения. Политика безграничной экспансии чревата для истории потерей если не души, то, по крайней мере, программы и единства. Неспособность организовать накопленные богатства грозила истории дезинтеграцией на множество специализированных подразделений, возможно, не связанных более друг с другом. Такая ситуация время от времени, в духе поздравления самих себя с успехами науки, именовалась «историографическим взрывом», но позднее получила более пессимистическое определение: «история в осколках»*.

---

* Фраза об «историческом взрыве» появилась в анонсе о выходе «Исторической библиотеки», издание которой было предпринято Пьером Нора в издательстве «Галлимар» в 1971 году. В полемическом смысле она была подхвачена в последующие 70-е годы XX века в окружении «Анналов» (Броделем в частности). «История в осколках» была более негативной формой выражения той же самой мысли. Фраза эта была позже использована Франсуа Доссом, в том числе в качестве названия его работы: Dosse F. L'Histoire en miettes: Des «Annales» à la «nouvelle histoire». Paris: La Découverte, 1987.

Идея, присущая функционалистским научным программам, проста: если источник – это всё, из чего можно получить информацию, то задача историка проста: как можно более полно описать реальность, а затем обобщить данные. В этом случае методология – удел избранных, которым все остальные «таскают» свои описания реальности, а «избранные» или «теоретики» обобщают этот материал. То есть методология – это наиболее общие законы действительности, сфера философии, а не истории. На этом был основан подход к методологии и в советской историографии.

Новый подход был основан на идее, что, если источник – продукт человеческой психики, из него можно получить относительное представление о реальности, но не саму реальность. Верификация источника на полное его соответствие тому, что происходило на самом деле, невозможна. Нет самого объекта, остался только след от объекта, причём этот след прошёл через сознание того, кто писал текст источника [2].

Критика источников осуществляется с точки зрения контекста. Профессиональное знание исходит из положения, что любой источник может быть понят только в историческом контексте. В данном случае часть объясняется из целого. Включение документа в контекст лишает выбора, ставит границы человеческому воображению. Но «контекст – это испечённый пирог, со временем он устаревает». Опорная точка рассуждений – событие. Историки задают вопрос – что случилось? Но ответ не может быть однозначным для всех случаев. Ответ зависит даже от языка, который мы выберем для ответа. Одно и то же событие можно назвать революцией или переворотом. Имена даёт сообщество историков в зависимости от эпохи, в которой они живут, от опыта, который накоплен этим обществом на данный момент, от событий, которые тревожат людей этого времени, то есть от их мироощущения. Всё зависит от умения историка выбирать теорию и методы исследования в соответствии с избранным предметом исследования. Избранные методы исследования должны соответствовать уровню исследования. Историк должен осознавать свою зависимость от существующей на данный момент системы представлений об обществе и процессах изменения системы общественных отношений изучаемого им периода истории. Он должен обратиться к самому себе и выяснить, как он делает своё дело. Так достигается оптимальное соотношение между субъективностью историка и объективностью самого исторического процесса для данного этапа развития исторической мысли. Такая постановка вопроса определяется тем, что «в любом случае любой исторический вопрос задаётся человеком, находящимся в обществе. Даже если он повернётся к обществу спиной и видит функцию истории в беспристрастном познании, он всё равно не может не принадлежать к своему времени. Любой вопрос задаётся с каких-то позиций. Сознание историчности любой точки зрения и обусловленной этой историчностью необходимости переписывать историю стало характерной чертой процесса конституирования современной исторической мысли с конца XVIII века», как это показано Рейнгардом Козеллеком [6, с. 281].

Событие – нечто, что случается. Перед историком всегда возникает проблема категоризации. Задача историка состоит в понимании конкретной природы события (исторический реализм). Историческое событие в самом себе

содержит структуру. Задача историка – схватить её. Меняется не вещь, а отношение к вещи. Описывается отношение к тому, что было увидено в источнике, но не произвольно, а по правилам внутренней и внешней критики.

Событие – то, что выхвачено историком и изложено им в определённой конструкции. В изложении историка много интуитивного, предполагаемого: цельность изложения достигается историком (Коллингвуд [16], Рикёр [19]). Историк не описывает, он учреждает, вносит смысл в память общества. Факты без историка бессмысленны и мертвы (Карр [1]). Именно поэтому А.-И. Марру, точку зрения которого разделяли и Поль Рикёр и Раймон Арон, писал о необходимости вскрывать причины его (историка) любопытства. «Мне кажется, что научная честность требует, чтобы историк путём сознательного усилия определял направленность своей мысли, вносил ясность в свои постулаты (в той мере, в какой это возможно); чтобы он показывал себя в действии, заставлял нас присутствовать при генезисе его труда: как и почему он выбрал тему и почему сформулировал её именно так; что он искал в ней и что нашёл, пусть он опишет свой внутренний маршрут, ибо всякое историческое исследование, если оно действительно плодотворно, предполагает некое продвижение в душе самого автора: «встреча с другим», неожиданности и открытия обогащают и преобразуют его. Одним словом, пусть он представит нам весь тот материал, который скрупулезная интроспекция в состоянии дать ему для того, что по терминологии Сартра называется «экзистенциальным психоанализом» [7, с. 240].

Следует отметить, что в современной историографии возобладали так называемый «гносеологический подход». И здесь мы имеем образец действия принципа возвратного вопрошания. В современных условиях привычные для историков методы поиска информации размываются появлением электронных средств её распространения. Эта информация не лежит в архиве, провести привычную для историков внутреннюю и внешнюю критику источника практически невозможно. Остаётся доступным только анализ языка изложения и выявление на этой основе чувственных, предсознательных основ написания текста на уровне понимания. Основой для такого анализа становятся дисциплины, получившие развитие во второй половине XX века: теория информации, когнитивная и перцептивная психология. Использование точных методов, связанных с идеями искусственного интеллекта, для анализа менталитета получило значительное распространение в 1970–1990-е годы и означает окончательное оформление целостного (холицистического) или, лучше сказать, комплексного направления в гносеологии истории. В данном случае очевидно, что с помощью выражения «комплексный» подчеркивается относительная автономность в гносеологическом и методологическом планах различных подвидов исторического знания: социально-политической истории, культурной истории и др.

Комплексный подход сформировался окончательно, когда произошел отказ от противопоставления изучения в истории индивидуального общему, когда история не рассматривается как знание, основанное исключительно на исследовательских процедурах понимания, интуиции, тогда как социология – на процедурах подведения под закон. Иными словами, герменевтика превратилась, точнее превращается, в направление, базирующееся на когнитивном кар-

тировании, базах и банках данных, на методах формальной логики и искусственного интеллекта [28, с. 72].

Теоретическим обоснованием герменевтики служат работы М. Хайдеггера [23], Х.-Г. Гадамера [15], П. Рикёра. Формализация интерпретационных процедур базируется на теориях общности смысла языковых и знаковых структур. Формализация и компьютеризация интерпретации, в частности, используемой в аргументации, имела в политологии важное значение в разработке основ системы принятия решений. В истории подобные исследования важны для выявления исторических альтернатив поведения индивидуумов и социальных групп, для оценки принятых ими решений с точки зрения исторической перспективы [22, с. 5–18].

Субъект исторического познания не отстранён от объекта. Любое высказывание историка лежит корнями в предыдущем опыте. В основе такого подхода лежит теория информации. Актор – тот, кто кодирует информацию. Читатель – тот, кто раскодирует информацию. Соответственно, реципиент – тот, кто воспринимает информацию. К любому тексту можно обращаться с разными вопросами. Надо учитывать, что читатель – тоже субъект высказывания. Историческая реальность текстуальна. Опыт человечества фиксируется в языке, символах, мифах. Обыденное сознание и есть основа для развития всех остальных форм человеческого сознания. Таким образом, оно становится объективной основой субъективного сознания [8, с. 731–747].

Что сближает такой подход с исторической наукой (историографией)? Непосредственным материалом, с которым работает исследователь, является «текст». Имеется в виду текст в самом широком смысле этого слова: письменные «документы», устные сообщения, органические и физиологические процессы или характеристики поведения. Непременный признак «текста» – это то, что «наблюдаемое» здесь сразу и «значашее». Всё, что называется «симптомом» (и потому расценивается как «действие смысла»), для психоаналитика есть «текст», подлежащий расшифровке, подобно тому как для историка результаты археологических раскопок (черепки, остатки древних жилищ, захоронения со всем их содержимым) – это тоже «тексты». Можно сказать, используя марксистскую терминологию, что «духовное производство» есть прежде всего (если не исключительно) производство текстов [24, с. 765]. А если учесть, что такое текст для «наук о духе», то можно сказать также, что любое производство «действительной жизни» людьми есть вместе с тем «производство текстов». А поскольку текст является таковым только для человеческих существ, то область его существования, в пределах которой тексты являются материей духовности, – это пространство для дискурса. Жизнь духа в этом пространстве – это герменевтика, процесс интерпретаций, конкурирующих, взаимодействующих, сменяющих одна другую [20, с. 49].

На бытовом уровне каждый слышит то, что хочет услышать. Это используется политиками. Они «переходят из регистра в регистр» в зависимости от аудитории, желая заручиться поддержкой зала. Историки в отличие от политиков должны осознавать временную дистанцию, контекст изучаемого события. Поэтому их обращение с текстом ограничено жёсткими правилами. У профессионала-историка тоже есть обыденное сознание. Его-то и преодолевает профессионал в попытке достичь более адекватного отражения исторической реальности.

Ещё со времен Хайдеггера утверждается представление о герменевтике как об онтологии. Бытие проявляется в виде феноменов, которые являют себя миру через язык. Бытие вообще, «бытие, которое может быть понято, есть язык» [25, с. 98].

Рикёр писал по этому поводу: «Возвратное вопрошание, применённое к историографическому знанию, отсылает к уже структурированному культурному миру, а никак не к непосредственно жизненному. Оно отсылает к миру действия, уже конфигурированного повествовательной деятельностью, предшествующей с точки зрения смысла научной историографии» [21, с. 208].

Исторические концепты являются следствием, проистекающим из производного характера сущностей второго и третьего порядка. Эти сущности – результат устной или письменной передачи исторического опыта передачи. По форме мы определяем эту основу для возникновения исторических концептов как обыденное сознание. В обыденном сознании исторический опыт приобретает вид метафорических образов, искажающих то, что происходило. Только зная современную жизнь и выявляя в ней остатки или продолжение развития того, что было раньше, можно по аналогии формулировать вопросы для изучения прошлого. «Итак, лишь изощрённый метод возвратного вопрошания может реконструировать каналы, по которым не только процедуры, но и сущности исторического исследования косвенно отсылают к нарративному пониманию. Лишь возвратное вопрошание выявляет основания интеллигибельности истории как исторической дисциплины» [21, с. 238].

Характеризуя ситуацию во французской историографии 50–70-х годов XX века, Рикёр писал: «Во французской историографии кризис рассказа был обусловлен в основном изменением объекта истории: таковым является теперь не действующий индивид, а целостный социальный факт. В логическом же позитивизме кризис рассказа представляет собой скорее результат эпистемологического разрыва между историческим объяснением и нарративным пониманием» [21, с. 114].

Строго говоря, возвратное вопрошание не относится уже к сфере собственно эпистемологии, и ещё менее – к простой методологии на уровне ремесла историка. Оно связано с процессом порождения смысла, который исследует философ. Однако это порождение смысла не было бы возможным, если бы оно не находило себе опоры в эпистемологии и методологии исторических наук. Эти науки предоставляют посредников, способных осуществлять в каждом из рассмотренных трёх планов реактивацию повествовательных основ научной историографии. Так, на единичном каузальном объяснении базируется структура перехода от объяснения посредством законов к пониманию посредством интриги. В свою очередь сущности первого порядка, с которыми, в конечном счёте, соотносится исторический дискурс, отсылают к модальностям соучастующей принадлежности, обеспечивающим связь между историческим объектом и персонажами рассказа. Наконец, рассогласования ритма множественных временностей, сплетённых в глобальном становлении обществ, раскрывают глубокое родство между наименее точечными историческими изменениями и внезапными переменами фортуны, которые в рассказе считаются событиями. Таким образом, ремесло историка, эпистемология исторических наук и генетическая феноменология объединяют свои возможности, чтобы реактивировать

эту фундаментальную ноэтическую* направленность истории, которую мы для краткости назвали исторической интенциональностью [21, с. 262].

Рикёр писал, что исследование номологической модели историографии привело его к идее эпистемологического разрыва, который отделяет историческое объяснение, оснащённое обобщениями в форме закона, от простого нарративного понимания. «Основная ошибка нарративистов состоит в том, что они не учли в полной мере преобразования, отдалившие современную историографию от наивного повествовательного письма, и не смогли внедрить в повествовательную ткань истории объяснение через законы. И всё же правота нарративистской интерпретации выражается в безусловно верном замечании, что собственно историческое качество истории сохраняется только благодаря связям – сколь бы скрытыми и тонкими они ни были, – которые по-прежнему соединяют историческое объяснение с нарративным пониманием, вопреки разделяющему их эпистемологическому разрыву» [21, с. 261].

Метод возвратного вопрошания нацелен на уяснение опосредованного характера филиации**, соединяющей историю с нарративным пониманием. Смысл концепции исторического повествования Поля Рикёра заключается в объяснении способов изложения исторических реконструкций, позволяющих соединить обыденное сознание с научным объяснением. Историю нельзя изложить с помощью формального языка, так как только обычный рассказ позволяет описать последовательность событий. Отсюда возникает потребность при создании цельного представления об исторических событиях пользоваться литературными средствами, так как они по своему происхождению являются наиболее полным и понятным для обывателя средством передачи образной информации, которая в свою очередь позволяет создать образ целого, а не части. Поэтому введённые Рикёром понятия с частицей «квази» в выражениях «квази-интрига», «квази-персонаж», «квази-событие» свидетельствуют «об исключительно аналогическом характере употребления нарративных категорий в научной истории. Во всяком случае, эта аналогия выражает едва заметную связь, которая удерживает историю в зависимости от рассказа и таким образом позволяет сохранить само её историческое измерение» [21, с. 263].

Современное отношение к исторической дисциплине основано на представлении о том, что история есть способ рационализации исторической памяти. Об этом писал ещё Люсьен Февр: «История [...] представляет собой средст-

---

* НОЭЗИС и НОЭМА (греч. noesis – мышление, поема – акт мышления) – понятия, фиксирующие мodus процессуальности интенционального сознания (ноэзис как «я мыслю») и объективное содержание мышления (ноэма как конституированный в мышлении объект). Вводятся в философский оборот Платоном. Аристотелем мышление трактовалось как комбинаторика ноэм, а истина – как их адекватное сочетание. В феноменологии Гуссерля – понятийные структуры, посредством которых сознание анализируется, исходя из его существенных структурных моментов. Сознание понимается как интенциональное, т. е. направленное в своих актах на предмет. Предмет, явленный сознанию в многообразии способов его данности, обретает в процессе конституирования свое содержание или бытие. «Нечто» явления или феномена превращается в конкретность вещи. Ноэзис является моментом интенционального свершения актов сознания или способом данности предмета. Он содержит два компонента: компонент ощущения и компонент смыслообразования. Ноэма представляет собой интенциональный коррелят ноэзиса. Она фиксирует наполнение интенции содержанием восприятия. Это содержание или бытие предмета является идентичным в многообразии способов данности предмета или в множестве конкретных ноэтических переживаний.

** ФИЛИАЦИЯ (от латин. filialis – сыновний) (книжн.). Развитие чего-нибудь в преемственной связи, в прямой зависимости.

во организации прошлого для того, чтобы не давать ему слишком сильно давить на плечи людей; история, которая, конечно же, [...] не смиряется с незнанием и, следовательно, ухитряется все больше увеличивать грудку «исторических» фактов, имеющихся в распоряжении наших цивилизаций для того, чтобы писать историю: но в этом нет противоречия. Ибо история преподносит людям не собрание изолированных фактов. Она эти факты организует. Она их объясняет, а для того, чтобы объяснять, объединяет их в серии, которым она уделяет весьма неравное внимание. Ибо, хочет она того или нет, она упорно собирает, а затем классифицирует и группирует факты прошлого в зависимости от сегодняшних потребностей. Она исследует смерть не иначе, как применительно к жизни» [4, с. 437].

На современном этапе развития исторической мысли стало ясно, что вызов, который сегодня должны принять историки, состоит в том, чтобы превратить в историю спрос своих современников на память. Если ориентироваться на постмодернистские постулаты, то логично отказаться от всяких попыток осмысления исторического опыта и соответственно от попыток изменения самого общества. Невозможность построения универсальной модели исторического процесса не предполагает отказа от попыток двигаться в этом направлении, даже если мы не знаем, чем это кончится.

Культ прошлого является ответом на неизвестность будущего и отсутствие коллективного общественного проекта. Крах крупнейших идеологий, представляющий собой несомненный прогресс с точки зрения политического здравомыслия, оставляет наших современников в полной растерянности. Это приводит к тому, что та историографическая традиция, которая объединяла Сеньбоса и Броделя в их отношении к настоящему, отходит на задний план. Но с другой стороны, нет такого коллективного общественного проекта, который был бы возможен без исторического воспитания его участников и без исторического анализа проблем. Наше общество, одержимое памятью, думает, что без истории оно утратило бы свою идентичность; правильнее, однако, было бы сказать, что общество без истории неспособно строить планы [17, с. 318].

Summary

I.K. Kalimonov. The concept of Paul Ricoeur's historical narration.

The article considers the historical narration by Paul Ricoeur, an outstanding French philosopher. The concept has determined on the most of the theoretical research of French historians in the turn of the XX – XXI centuries. The author puts a number of questions on the use of the main principles of the concept in the today development of the theoretical problems in historiography. First comes the question of correlation of two approaches – sociological and humanitarian, while an integral notion on history is created, alongside with possible verification of theories applied in History.

Литература

1. Carr E.H. Qu'est-ce que l'histoire? – Paris: La Découvert, 1988.
2. Certeau M. de L'operation historique // Le Goff J., Nora P. Faire de l'histoire. I: Nouveaux Problemes. – Paris: Gallimard, 1974. – P. 19–68. Idem. L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.

3. *Dosse F.* L'Histoire en miettes: Des «Annales» a la «nouvelle histoire». – Paris: La Découvert, 1987.
4. *Febvre L.* Combats pour l'histoire. – Paris: Armand Colin, 1953.
5. *Koselleck R.* Le Futur passé, contribution à la sémantique des temps historique. – Paris: EHESS, 1990.
6. *Marrou H.-I.* De la connaissance historique. – Paris: Éd. du Seuil, 1954.
7. *Ricoeur P.* L'écriture de l'histoire et la representation du passe // *Annales: Histoire, sciences sociales.* – P., 2000. – A. 55, No 4. – P. 731–747.
8. Sur la «crise» de l'histoire: Autour du livre de Gerard Noiriel. Table-ronde du 16 mars 1997 / *Bull. de la Soc. d'histoire mod. et contemporaine.* – P., 1997. – No 3/4. – P. 72–111.
9. Une crise de l'histoire? Debat avec Gerard Noiriel // *Cahiers d'histoire.* – P., 1996. – No 65. – P. 131–138.
10. *Бурдые П.* Начала / Пер. с франц.). – М.: Socio-Logos: Фирма «Адолт», 1994.
11. *Бурдые П.* Практический смысл / Пер. с франц. – СПб.: Алетейя, 2001.
12. *Вебер М.* Понимающая социология // Избр. произв. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.
13. *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Научный мир, 2003.
14. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
15. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. – М.: Наука, 1980.
16. *Про А.* Двенадцать уроков по истории. – М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 2000.
17. *Ревель Ж.* История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // *Новая и новейшая история.* – 1998. – № 6.
18. *Рикёр П.* История и истина / Пер. с франц. И.С. Вдовиной и А.И. Мачульской. – СПб.: Алетейя, 2002.
19. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с франц. – М., 2002.
20. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998.
21. *Таллер М.* Что такое «источнико-ориентированная обработка данных. Что такое историческая информатика?» // *История и компьютер: Новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании: сб. ст. / Под ред. Л.И. Бородкина и В. Леверманна.* – Германия, Геттинген, 1993. – С. 5–18.
22. *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М., 1993.
23. *Зотов А.Ф.* Современная западная философия. – М.: Высш. шк., 2001. – С. 765.
24. *Яскевич Я.С., Сидорцов В.Н., Нечухрин А.Н. и др.* Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы / Под ред. В.Н. Сидорцова, О.А. Яновского, Я.С. Яскевич. – Минск, 2002.
25. *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004.
26. *Философия и методология науки.* Ч. 1. – М., 1994.
27. *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1995.

Поступила в редакцию
10.10.05

Калимонов Ильдар Кимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета.
E-mail: Ildar.Kalimonov@ksu.ru